

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Карел Чапек

Птичья сказка

Конечно, дети, вы не можете знать, о чем говорят птицы. Они разговаривают человеческим языком только рано утром, при восходе солнца, когда вы еще спите. Позже, днем, им уже не до разговоров: только поспевай – здесь клюнуть зернышко, тут откопать земляного червячка, там поймать мушку в воздухе. Птичий папаша просто крылья себе отмахает; а мамаша дома за детьми ухаживает. Вот почему птицы разговаривают только рано утром, открывая у себя в гнезде окна, выкладывая перинки для проветривания и готовя завтрак.

– ...брым утром, – кричит из своего гнезда на сосне черный дрозд, обращаясь к соседу–воробью, который живет в водосточной трубе. – Уж пора.

– Чик, чик, чирик, – отвечает тот. – Пора лететь, мошек ловить, чтобы было что есть, да?

– Верно, верно, – ворчит голубь на крыше. – Просто беда, братец. Мало зерен, мало зерен.

– Так, так, – подтверждает воробей, вылезая из–под одеяла. – А все автомобили, знаешь? Пока ездили на лошадях, всюду было зерно, – а теперь? А теперь автомобиль пролетел – на дороге ничего. Нет, нет, нет!

– Только вонь, только вонь, – воркует голубь. – Поганая жизнь, брр! Придется, видно, закрывать лавочку. Кружишь–кружишь, воркуешь–воркуешь, а что за весь труд выручил? Горстки зерна не наберешь. Прямо страх!

– А ты думаешь, воробьям лучше? – сердито топорщится воробей. – По совести сказать, кабы не семья, я бы отсюда – фю–ить!

– Как твой родич из Дейвице? – отзывается невидный вгуще ветвей крапивник.

– Из Дейвице?.. – переспросил воробей. – Там у менязнакомый есть, Филиппом зовут.

– Это не тот, – сказал крапивник. – Того, что улетел, звали Пепик. Такой взъерошенный был воробышек, вечно немыйтй–нечесаный; и целый день ругался: в Дейвице, мол, скука смертная... Другие птицы зимовать на юг улетают, на Ривьеру или в Египет: скворцы, например, аисты, ласточки, соловьи. Только воробей всю жизнь в Дейвице торчит. "Я

этого так не оставляю, – покрикивал воробей по имени Пепик.

– Если может лететь в Египет какая–нибудь ласточка, что на уголке живет, почему бы и мне, милые, не полететь? Так и знайте, обязательно полечу, только вот упакую свою зубную щетку, ночную рубашку да ракетку с мячами, чтобы там в теннис играть. Увидите, как я всех в теннис обставлю. Я ведь ловок, хитер: буду делать вид, будто кидаю мяч, а вместо мяча сам полечу и, если меня трахнут ракеткой, я от них упорхну либо убегу – прочь! прочь! прочь! А как только всех обыграю, куплю Вальдштейнский дворец и устрою там на крыше себе гнездо, да не из обыкновенной соломы, а из рисовой и из майорана, дягиля, морской травы, конского волоса и беличьих хвостов. Вот как!" Так рассуждал этот воробышек и каждое утро подымал шум, что сыт этими самыми Дейвице по горло и непременно полетит на Ривьеру.

– И полетел? – спросил черный дрозд на сосне.

– Полетел, – продолжал в чаще ветвей крапивник. – В один прекрасный день ни свет ни заря – пустился на юг. А только воробьи никогда на юг не улетают и не знают туда дороги. И у этого воробья, Пепика, то ли крылья коротки оказались, то ли геллеров не хватило, чтобы переночевать в трактире; воробьи, понимаете, спокон веков – пролетарии: целый день знай взад и вперед пролетают. Короче говоря, воробей Пепик долетел только до Кардашовой Ржечице, а дальше не мог: ни гроша в кармане. И уж тому был радехонек, что воробыный староста в Кардашовой Ржечице сказал ему по–приятельски: "Эх, ты, бездельник, шатун никчемный. Думаешь, у нас в Кардашовой Ржечице на каждого голодранца, бродяжки–подмастерья, сезонника, а то и беглого вдоволь конских яблок да катышков приготовлено? Коли хочешь, чтоб тебе позволили остановиться в Кардашовой Ржечице, не смей клевать ни на площади, ни перед трактиром, ни на шоссе, как мы, здешние старожилы, а только за гумнами. А для устройства жилья выделяется тебе из казенных запасов клок соломы в сарае под номером пятьдесят семь. Теперь подпиши вот это заявление о прописке и убирайся, чтоб я тебя больше не видел". Так получилось, что воробей Пепик из Дейвице, вместо того чтоб лететь на Ривьеру, остался в Кардашовой Ржечице.

– Он и теперь там? – спросил голубь.

– И теперь, – ответил крапивник. – У меня там тетя живет, и она мне про него рассказывала. Он смеется над тамошними воробьями, галдит: дескать, смертная тоска быть воробьем в Кардашовой Ржечице; ни трамвая там, как в Дейвице, ни автомобилей, ни стадионов "Славия" и "Спарта", – ну ничегошеньки. Сам он не собирается всю жизнь торчать в Кардашовой Ржечице: его, мол, приглашают на Ривьеру, и он только ждет, когда из Дейвице деньги придут. И столько наговорил им всякого о Дейвице и Ривьере, что и кардашово–ржечицкие воробьи поверили: в другом месте лучше – и перестали клевать, а только чирикают, галдят, ропщут, как все воробьи на свете. Твердят: "Всюду лучше, чем, чем, чем у нас!"

– Да! – отозвалась синица из кизилового куста. – Странные бывают птицы. Здесь, возле Колина, в таком плодородном крае, жила одна ласточка. И прочла она в газетах, что у нас все очень плохо, а вот в Америке, милые, такие хитрюги: до всего доходят, знают, что к чему! И забрала эта ласточка себе в голову: надо, дескать, во что бы то ни стало на эту Америку посмотреть. Ну, и поехала.

– Как? – прервал крапивник.

– Не знаю, – ответила синица. – Скорей всего на пароходе. А то на самолете. Может, пристроила гнездо к дну самолета или каютку с окошком, чтоб можно было голову высунуть, а захочется – так и плюнуть. Словом, через год вернулась и говорит, что была в Америке, и там все не так, как у нас. Даже и сравнить нельзя – куда там! Такой прогресс. Например, никаких жаворонков нету, а дома такие высокие, что если б воробей на крыше гнездо себе свил и из того гнезда выпало бы яичко, так оно падало бы так долго, что по дороге из него вылупился бы воробышек, и вырос бы, и женился бы, и народил бы кучу детей, и состарился бы, и умер бы в преклонном возрасте, так что на тротуар, вместо воробыного яйца, упал бы старый мертвый воробей. Вот какие там дома высокие. И еще говорила ласточка, что в Америке все строят из бетона, и она тоже так строить научилась; пускай, мол, другие ласточки прилетают смотреть: она им покажет, как строить ласточкино гнездо из бетона, а не прямо из грязи, как они, глупые, до сих пор делали. И вот пожалуйста! Слетелись ласточки отовсюду: из Мнихова Градиште, из Чаславы, из Пршелоуче, из Чешского Брода и Нимбурка, даже из Сobotки и Челаковице. Столько собралось ласточек, что пришлось натянуть для них семнадцать тысяч триста сорок девять метров телефонных и телеграфных проводов, чтоб им было на чем сидеть. И когда они все собрались, сказала американская ласточка: "Вот послушайте, парни и девушки, как в Америке строят дома и гнезда из бетона. Сперва надо натаскать кучку цемента. Потом – кучку песку. Потом налить туда воды; и получится каша такая; из этой–то каши и строится настоящее современное гнездо. А если нет цемента, смешайте песок с известью. Тогда получится каша из извести с песком. Только известь должна быть гашеная. Я сейчас вам покажу, как гасят известь. Сказала и – порх–порх! – полетела на стройку, где работали каменщики, за негашеной известью. Взяла кусочек извести в клювик и – поррх! – уже летит обратно. А в клювике–то влажно – и давай известь у ней в роточке гаситься, и шипеть, и жечь. Испугалась ласточка, выпустила известь и кричит: "Вот смотрите, как надо гасить известь. Ой–ой, как жжется! Ой, батюшки, как щиплет! Ой, караул! Ей–ей, так и палит, ох–ох–ох, а–ля–ля–ля, о чтоб тебе, с нами крестная... о ч–черт, фу ты, святые угодники, ой–ей, ах–их, душа из тела вон, боже мой, уф, мать пресвятая богородица, разрази его, о горяшко, мама, ой беда, эх–эх, милые, брр, этакая дьявольщина, уй–юй, чтоб ему, ох–хо–хо, ай–ай, окаянство!" Вот как гасят известь! Остальные ласточки, слыша ее горькие жалобы и стоны, не стали ждать, что будет дальше, а тряхнув хвостиками, полетели по домам. "Славное было бы дело, если б мы так обожгли себе клюв", – подумали они. Поэтому ласточки до сих пор строят свои гнезда из грязи, а не из бетона, как их учила подруга, побывавшая в Америке... Но ничего не поделаешь, милые, мне надо лететь за провизией!

– Кумушка синица, – откликнулась дроздиха, – раз уж вы летите на базар, купите мне там, пожалуйста, кило дождевых червей, только хороших, длинных. А то мне сегодня некогда: надо учить детей летать.

– С удовольствием, соседка, – ответила синица. – Знаю, золотая моя, как это трудно – научить детей летать по–настоящему.

– А знаете, – спросил скворец на березе, – кто научил нас, птиц, летать? Я вам расскажу. Мне карлштейнский ворон говорил, который сюда прошлый раз, в большие морозы, прилетал. Этому ворону самому сто лет, да слышал он это от своего деда, которому сказал об этом прадед, а тот узнал про это от прадеда своей бабушки с материнской стороны. Так что это–святая истина. Так вот, бывает иногда, вдруг – ночью звезда упадет. Да иной раз падающая звезда эта – и не звезда совсем, а золотое ангельское яйцо. И, падая с неба, воспламеняется оно в своем падении и как жар горит. Это святая истина, потому что мне это карлштейнский ворон рассказал. А люди ангельские яйца эти как–то иначе называют, – не то метры, не то монтеры, менторы либо моторы

– как–то так вот!

– Метеоры, – сказал дрозд.

– Да, да, – согласился скворец. – Тогда птицы еще не умели летать, а бегали по земле, как куры. И, видя, как такое ангельское яйцо с неба падает, думали: хорошо бы его высидеть и посмотреть, какой из него вылупится птенец. Это сущая правда, потому, что так тот ворон рассказывал. Раз они за ужином об этом толковали, – вдруг совсем рядом, за лесом – бац! – упало с неба золотое, лучезарное яйцо, так что даже свист слышно было. Все сразу туда кинулись, – аист впереди, потому что у него самые длинные ноги. Нашел он золотое яйцо, взял его в лапу; а оно от падения еще страшно горячее было, так что аист обе лапки себе обжег, но все–таки принес это раскаленное яичко к птицам. Потом сразу шлеп–шлеп по воде, чтобы обожженные лапки остудить. Оттого с тех пор аисты по воде бродят, чтоб коготки остуживать. Вот что мне ворон рассказал.

– А дальше что? – спросил крапивник.

– Потом, – продолжал скворец, – приковыляла дикая гусыня – хотела на это яйцо сесть. Но оно еще жглось; она обожгла себе брюшко – и скорей плюх в пруд, чтобы его охладить. Оттого гуси до сих пор плавают на брюшке по воде. После этого все птицы стали одна за другой ангельское яйцо высихивать.

– И крапивник тоже? – спросил крапивник.

– Тоже, – ответил скворец. – Все птицы на свете это яйцо высихивали. Только когда дошла очередь до курицы и позвали ее, она ответила: "Как? Как? Куда, куда так? Когда же клевать? Кто себе враг? Какой дурак?" И не пошла высихивать ангельское яйцо. А когда все птицы по очереди на том яйце отсидели, вылупился из него божий ангел. Но, выплывшись, не стал ни клевать, ни пицать, как другие птицы, а полетел прямо к небу, возглашая аллилуйю и осанну. Потом сказал: "Чем мне отблагодарить вас, милые птички, за вашу ласку, что вы меня высидели? С этих пор будете вы летать, как ангелы. Смотрите: надо вот так взмахнуть крыльями и – готово, полетели! Итак, внимание: раз, два, три!" Не успел он сказать "...три", как все птицы начали летать и летают до сих пор. Только курица не умеет, потому что не хотела высихивать ангельское яйцо. И все это – святая правда, потому, что так рассказал карлштейнский ворон.

– Итак, внимание! – сказал дрозд. – Раз, два, три!

Тут все птицы тряхнули хвостиком, взмахнули крыльями и полетели каждая за своей песней и своим пропитанием, как научил их ангел божий.